

«Сегодня задача театра — разбудить зрителя»

Интервью с Аллой Демидовой

А. Демидова в спектакле «Дон Жуан». Фото В. Баженова.

Ваше участие в спектакле Анатолия Васильева неожиданно. Как случилось, что вы пришли в «Школу драматического искусства»?

— Есть режиссеры, их немного, любящие поиски которых уже сами по себе интересны: нравятся они вам или нет, но эти поиски раздвигают существующие рамки театрального искусства. К таким режиссерам принадлежит Анатолий Васильев.

Вообще же я давно решила бросить театр. После смерти Владимира Высоцкого я поняла, что Таганка подвела трагическую черту в поиске своих выразительных средств. Но поскольку я фаталист и никогда не вмешиваюсь в свою судьбу, не совершаю самостоятельных поступков, то я решила ждать, когда все это кончится само собой. Интеллигентная публика к этому времени от театра отошла, потом уехал Юрий Любимов. В театр пришел Анатолий Эфрос. Хотя у меня остались воистину волшебные воспоминания от работы с ним в 1975 году над «Вишневым садом», я, как и другие актеры «Таганки», считала этот его приход к нам в театр неестественным, мы ждали Любимова.

В 1987 году Эфрос умер. К этому времени мы начали ощущать вольный ветер перемен. Любимов захотел вернуться, мы стали хлопотать о его возвращении и, чтобы в ожидании на это место не назначили какого-нибудь «красного директора», попросили нашего актера Николая Губенко сохранить на какое-то время пост руководителя театра для Любимова. Но вся эта история затянулась; к тому же «ветер перемен» не был, прямо скажем, ураганом. Прошли два с лишним года, прежде чем Любимов смог вернуться. За это время Губенко стал министром культуры, привык к власти и не захотел отдавать Любимову театр. Произошел раскол труппы, потянулись бесконечные суды. До искусства никому никакого дела не было. Я перестала выходить на сцену, ожидая, когда же меня за это уволят. Через год это произошло, мне было предложено или играть, или написать заявление об уходе. Я с облегчением его написала.

— В каком году это было?

— Только не спрашивайте меня о датах, я их никогда не помню. Ко времени ухода с Таганки у меня был свой театр — Театр «А». Как первая буква алфавита, так что за мной всем места хватит. Я стала работать с греческим режиссером Теодором Терзонкулосом. С двумя спектаклями по Х.Мюллеру — «Квартет» и «Медея» — мы объездили весь мир. Я устала и решила окончательно бросить театр. Это, пожалуй, было мое первое самостоятельное решение. Но на следующий день мне позвонил Анатолий Васильев и попросил выручить его — сыграть для Парижа в «Дон Жуане» вместо заболевшей актрисы его театра. Я ему не могла отказать.

— Почему?

— Когда он был на Таганке, мы с ним почти год работали вместе над пьесой Беккета «О, прекрасные дни». Он же начинал «разминать» для Любимова «Бориса Годунова». Мне нравились его поиски, которые я для себя назвала «поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».

— Как вы определяете особенности подхода А. Васильева к тексту Пушкина?

— Как читать Пушкина и как играть «Каменного гостя», знает в России самая последняя домохозяйка. Нужно было найти новую, непривычную манеру исполнения. Возможно, многим она покажется странной, но мне кажется, что сегодня задача театра — разбудить зрителя от привычного комфорта восприятия театрального действия.

— В спектакле «Дон Жуан, или Каменный гость» и другие стихи» заняты актеры «Школы драматического искусства», которые годами обучались по методу Васильева. Как вы ощущаете себя среди них?

— Мы хорошо знакомы — я постоянно с ними встречалась на всех международных авангардных фестивалях, всегда следила за их развитием, видела все их спектакли. Они мне были симпатичны во всем. А когда я их узнала изнутри, стала с ними работать, то увидела: у них прекрасная рабочая атмосфера. И хотя я ненавижу репетиции, я каждый раз с удовольствием прихожу к ним на встречу.

— Какая у вас роль в спектакле?

— На сцене пять человек, трое мужчин и две женщины. И мы перебрасываемся ролями. Как будто собралась хорошая компания и решили почитать стихи (мы начинаем с «Гавриилиады»). А потом, постепенно сцена переходит к Лауре, и мы играем вдвоем с Людой Дребниной Лауру. А потом, когда сцена переходит к донне Анне, мы тоже вдвоем играем донну Анну, а артисты Ануров, Яцко, Лавров попеременно становятся то Лепорелло, то доном Гуаном, то доном Карлосом.

Это игра. Но игра не праздных людей, а та, что вызывает в подсознании другую маленькую трагедию Пушкина — «Пир во время чумы».

Интервью взяла
ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж

152

309